

•thebigbook•

ДЭН СИММОНС

ТЕРРОР

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
С 37

Dan Simmons
THE TERROR
Copyright © 2007 by Dan Simmons
All rights reserved

Перевод с английского Марии Куренной

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Виктории Манацковой

ISBN 978-5-389-14383-8

© М. Куренная, перевод, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2018
Издательство АЗБУКА®

*Посвящаю, с любовью и благодарностью
за неизгладимые полярные впечатления,
Кеннету Тоби, Маргарет Шеридан, Роберту Корнуайту,
Дугласу Спенсеру, Дейви Мартину, Уильяму Селфу,
Джорджу Финнеману, Дмитрию Тёмкину, Чарльзу Ледереру,
Кристиану Найби, Говарду Хоуку и Джеймсу Арнессу.*

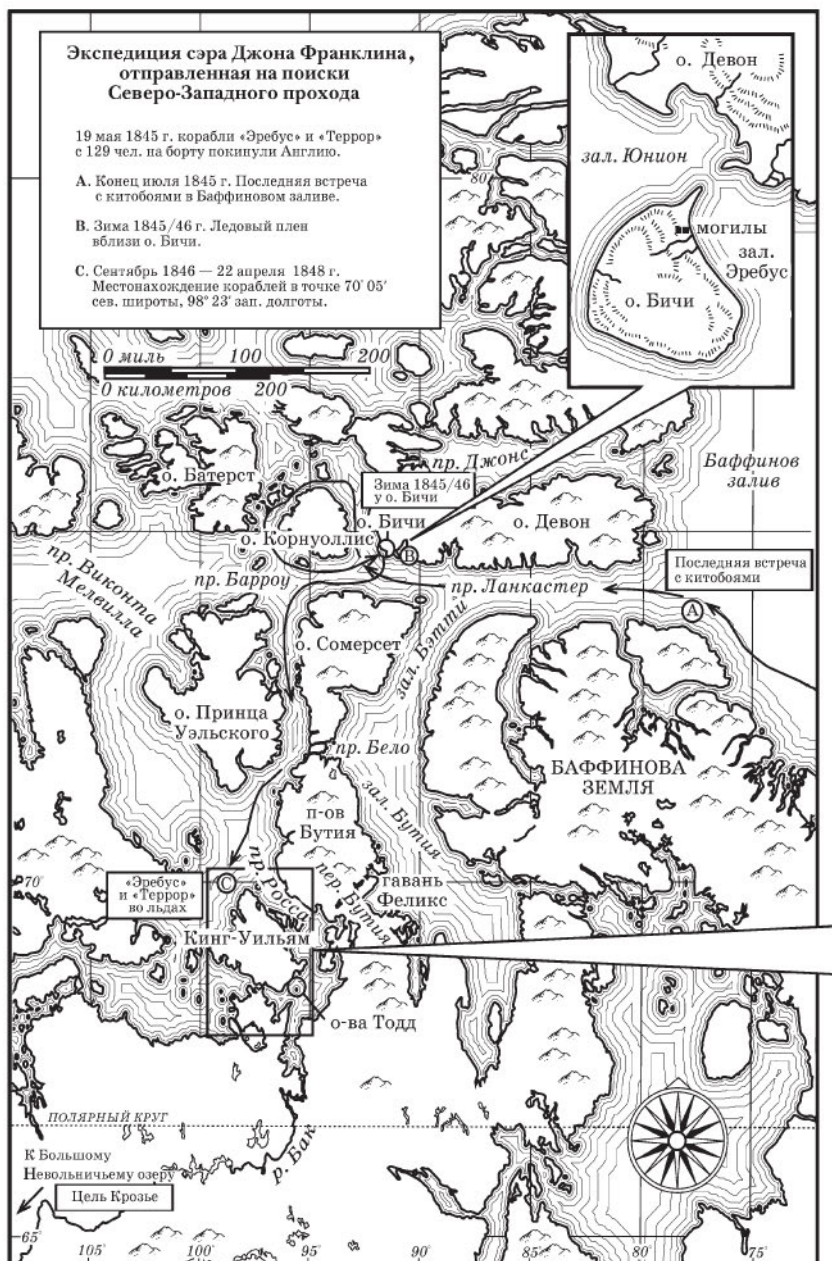
**Экспедиция сэра Джона Франклина,
отправленная на поиски
Северо-Западного прохода**

19 мая 1845 г. корабли «Эребус» и «Террор»
с 129 чел. на борту покинули Англию.

А. Конец июля 1845 г. Последняя встреча
с китобоями в Баффиновом заливе.

В. Зима 1845/46 г. Ледовый плен
вблизи о. Бичи.

С. Сентябрь 1846 — 22 апреля 1848 г.
Местоахождение кораблей в точке 70° 05'
сев. широты, 98° 23' зап. долготы.

0 миль 20 40
0 километров 40

Приблизительное местонахождение кораблей 1846-1848

М. Феликс

стоянка «Виктория»

м. Джейн Франклин

стоянка Франклина

■ пирамида Росса

✕ лагерь «Террор»

✕ место резни

Остров Кинг-Уильям

ручей

Левеконт

оставленные лодки

лазарет

Пеглар

пирамида

Бриджес

р. Паркер

сезонная стоянка эскимосов

лагерь Спасения

о-ва Тодд

р. Симпсон

голодный лагерь

п-ов Аделаида

залив Кинг-Мод

залив Чантни

устье р. Бак
60 миль (100 км)

К устью р. Бак
60 миль (100 км)

Белизна, лишенная приятных ассоциаций и соотнесенная с предметом и без того ужасным, усугубляет до крайней степени его жуткие качества. Взгляните на белого полярного медведя или на белую тропическую акулу; что иное, если не ровный белоснежный цвет, делает их столь непередаваемо страшными? Мертвенная белизна придает торжествующе-плотоядному облику этих бесчеловечных тварей ту омерзительную вкрадчивость, которая вызывает еще больше отвращения, чем ужаса. Вот почему даже свирепый тигр в своем геральдическом облачении не может так пошатнуть человеческую храбрость, как медведь или акула в белоснежных покровах.

Герман Мелвилл. Моби Дик, 1851

КРОЗЬЕ

70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы

Октябрь 1847 г.

Поднявшись на палубу, капитан Крозье видит свой корабль под натиском небесных фантомов. Над ним — над «Террором» — мерцающие складки света выстреливают вперед, но в следующий миг отпрядывают назад, точно разноцветные руки агрессивных, но все-таки нерешительных призраков. Эктоплазматические пальцы протягиваются к кораблю, растопыриваются, готовясь схватить, и отдергиваются.

Температура воздуха минус пятьдесят градусов по Фаренгейту¹ и быстро падает. Из-за тумана, сгустившегося ранее, в течение единственного часа бледных сумерек, до которого теперь сократился день, укороченные мачты (стенги, брам-стенги, верхний рангоут и такелаж были сняты и убраны, чтобы свести к минимуму опасность обрушения на палубу льда и вероятность опрокидывания судна из-за веса ледяных наростов на них) сейчас похожи на обледеленные деревья с грубо обрубленными ветвями и спиленными верхушками, отражающие сполохи полярного сияния, пробегающие по небу от одного еле различимого горизонта до другого. Пока Крозье смотрит, торосистые ледяные поля вокруг корабля становятся голубыми, потом багрово-фиолетовыми, а затем ярко-зелеными, как холмы его детства в Северной Ирландии. На краткий миг возникает ложное впечатление, будто гигантский айсберг, находящийся почти в миле впереди по правому борту и загораживающий от взгляда второй точно такой же корабль, «Эребус», источает цветное сияние

¹ То есть -45° по Цельсию.

изнутри, полыхая своим собственным холодным пламенем, сокрытым в недрах.

Подняв воротник и запрокинув голову по сорокалетней привычке проверять состояние мачт и такелажа, Крозье замечает, что звезды над головой горят холодным ровным светом, но над горизонтом они не только мигают, но также, если смотреть на них пристально, перемещаются, прыгая влево-вправо и вверх-вниз. Крозье видел такое и прежде — не только в этих водах во время предыдущих экспедиций, но и в Антарктике, вместе с Россом, — и один ученый, ходивший с ними в плавание к Южному полюсу, человек, который провел первую зиму во льдах, шлифуя и полируя линзы для своего телескопа, сказал Крозье, что, вероятно, такое поведение звезд объясняется быстро меняющимся углом преломления света в холодном воздухе, лежащем тяжелыми, но подвижными массами над скованными льдом морями и невидимыми полярными землями. Другими словами, над новыми материками, доселе сокрытыми от глаз человека. «Или по крайней мере, — думает Крозье, — здесь, в Арктике, — от глаз белого человека».

Крозье со своим другом и тогдашним начальником экспедиции Джеймсом Россом открыли именно такой новый континент — Антарктику — без малого пять лет назад. Они назвали море, залив и материк именем Росса. Они назвали горы именами своих друзей и покровителей. Они нарекли два вулкана, видневшиеся на горизонте, в честь своих кораблей — вот этих самых кораблей, — дав дымящимся горам названия Террор и Эребус. Крозье удивило, что они не назвали какой-нибудь значительный географический объект в честь корабельного кота.

Они ничего не назвали в честь его. И сейчас, вечером зимнего сумеречного дня в октябре 1847 года, ни один арктический или антарктический материк, остров, залив, фиорд, горный хребет, вулкан или паршивый айсберг не носит имени Френсиса Родона Мойры Крозье.

Крозье глубоко плевать на это. Едва подумав об этом, он осознаёт, что малость пьян. «Ну что ж, — думает он, машинально удерживая равновесие на обледенелой палубе, теперь наклоненной на двенадцать градусов к правому борту и на восемь градусов к носу, — последние три года я чаще пьян, чем трезв, не так ли? В пьяном виде я по-прежнему остаюсь лучшим моряком и капитаном, чем жалкий бедолага Франклин — в трезвом. Или его розовощекий шепелявый пуделек Фицджереймс, коли на то пошло».

Пьян с тех самых пор, как София...

Крозье трясет головой и направляется по обледенелой палубе к носу и к единственному вахтенному, которого он может разглядеть в мерцающем свете полярного сияния.

Это низкорослый, похожий на крысу Корнелиус Хикки, помощник конопатчика. Здесь, на посту, в темноте все мужчины выглядят одинаково, поскольку все обеспечены одинаковым зимним обмундированием — толстой непромокаемой шинелью, под которую надеваются фланелевые и шерстяные рубахи, фуфайки и свитера; округлыми пухлыми рукавицами, торчащими из широких рукавов; так называемым «уэльским париком», то есть толстой вязаной шапкой с «ушами», плотно прилегающей к черепу и часто надеваемой в комплекте с длинным шерстяным шарфом, который наматывается на голову так, что остается виден только кончик обмороженного носа. Но каждый мужчина вносит в свое обмундирование что-то своеобычное — порой добавляя к нему шарф, взятый из дома, дополнительный «уэльский парик», который натягивается поверх первого, либо, возможно, разноцветные перчатки, связанные любящей матерью, женой или подругой и торчащие из-под форменных рукавиц Военно-морского флота Великобритании, — и Крозье научился распознавать всех своих оставшихся в живых пятьдесят девять офицеров и матросов даже со значительного расстояния и в темноте.

Хикки смотрит неподвижным взглядом вперед, за обросший сосульками бушприт, передние десять футов которого сейчас утоплены в гряде торосов, поскольку корма британского военного корабля «Террор» под давлением льда поднялась, а нос, соответственно, опустился. Помощник конопатчика так глубоко погружен в свои мысли или так сильно застыл, что не замечает приближения капитана, пока Крозье не становится рядом с ним у поручня, превратившегося в алтарь из льда и снега. К этому алтарю прислонен дробовик вахтенного. Никому неохота притрагиваться к железу на морозе, даже в рукавицах.

Хикки слегка вздрагивает, когда Крозье опирается на поручень рядом с ним. Капитан «Террора» не видит лица двадцатилетнего парня, но клубы пара от дыхания — моментально превращающиеся в облачка ледяных кристаллов, искрящиеся в свете сполохов, — вырываются из-под туго намотанных на голову поверх «уэльского парика» шерстяных шарфов.

Зимой во льдах члены экипажа обычно не отдают честь, даже не прикасаются небрежно пальцами ко лбу, каковым жестом положено

приветствовать офицеров в плавании, но тепло закутанный Хикки легко шаркает ногой, пожимает плечами и чуть наклоняет голову, как принято делать при встрече с капитаном на палубе. Из-за мороза время дежурства сократили с четырех часов до двух — видит бог, думает Крозье, на нашем переполненном корабле достаточно людей для этого, даже если удвоить число вахтенных, — и по медленным движениям Хикки он понимает, что парень окоченел от холода. Сколько бы раз он ни повторял часовым, что они должны постоянно двигаться, ходить взад-вперед, совершать бег на месте, прыгать при необходимости, не отвлекаясь от наблюдения за льдами, они все равно предпочитают большую часть времени стоять неподвижно, словно находятся в южных морях, одетые в тропическую хлопчатобумажную форму, и высматривают в воде русалок.

— Капитан.

— Мистер Хикки. Что у вас?

— После тех выстрелов — ничего... после того одного выстрела... почти два часа назад. А совсем недавно я услышал, то есть мне показалось, что я услышал... может, крик или что-то вроде, капитан... из-за того айсберга. Я доложил лейтенанту Ирвингу, но он сказал, что, вероятно, это просто лед трещит.

Два часа назад Крозье сообщили о звуке выстрела, раздавшегося со стороны «Эребуса», и он мгновенно поднялся на палубу, но, поскольку звук не повторился, не отправил посыльного на другой корабль и никого не отрядил обследовать лед. Выходить на лед в темноте сейчас, когда это... существо... сторожит там, среди торосов и высоких заструг, равносильно смерти. Теперь сообщения с корабля на корабль передавались только в течение короткого и неуклонно сокращающегося периода света около полудня. Через несколько суток дня как такового вообще не будет, только полярная ночь. Круглые сутки. Сто суток полярной ночи.

— Вероятно, это был треск льда, — говорит Крозье, задаваясь вопросом, почему Ирвинг не доложил о похожем на крик звуке. — И выстрел тоже. Просто треск льда.

— Да, капитан. Просто треск льда, сэр.

Ни один ни другой не верят в это — выстрел мушкета или дробовика ни с чем не спутаешь, даже на расстоянии мили, и звук разносится почти сверхъестественно далеко и отчетливо здесь, на Крайнем Севере, — но паковые льды, сжимающиеся все плотнее вокруг «Террора», действительно постоянно громыхают, стонут, трещат, хрустят, ревут.

Больше всего Крозье беспокоят крики, будящие его каждую ночь, когда он на час-другой погружается в крепкий сон. Звуки ледового треска слишком напоминают громкие мучительные стоны матери в последние дни жизни... и еще сказки старой тетушки о привидениях-плакальщицах, вопли которых в ночи предвещают смерть кого-нибудь в доме. И первые и вторые лишали его сна в детстве.

Крозье медленно поворачивается. Ресницы у него заиндевели, а верхняя губа уже покрылась коркой льда, от замерзшего пара дыхания и соплей. Мужчины научились прятать бороду под шерстяными шарфами и воротами свитеров, но все же им часто приходится прибегать к помощи ножей, чтобы отрубить пряди волос, примерзшие к одежде. Как большинство офицеров, Крозье продолжает бриться каждый день, хотя по причине экономии угля «горячая вода», которую приносит ему вестовой, представляет собой скорее едва растаявший лед, и процедура бритья бывает весьма болезненной.

— Безмолвная леди все еще на палубе? — спрашивает Крозье.

— О да, капитан, она почти всегда здесь, — отвечает Хикки, теперь шепотом, словно это имеет значение.

Даже если Безмолвная и слышит их, она не понимает английскую речь. Но мужчины верят — все больше и больше с того дня, как существо во льдах начало преследовать их, — что молодая эскимоска является ведьмой, обладающей таинственными способностями.

— Она с лейтенантом Ирвингом, на посту у левого борта, — добавляет Хикки.

— С лейтенантом Ирвингом? Его вахта должна была закончиться более часа назад.

— Так точно, сэр. Но в последние дни где Безмолвная, там и лейтенант, сэр, коли мне будет позволено заметить. Пока она не сходит вниз, он тоже не сходит вниз. Я имею в виду, если только у него нет такой необходимости... никто из нас не может оставаться на морозе так долго, как эта ве... эта женщина.

— Следите за льдом и не отвлекайтесь от своего дела, мистер Хикки.

От резкого голоса Крозье помощник конопатчика снова вздрагивает, но отдает честь пошаркиванием ног и коротким пожатием плеч и опять обращает свой побелевший нос в сторону тьмы, сгустившейся за бушпритом.

Крозье широким шагом направляется к посту на левый борт. Готовя корабль к зиме в прошлом месяце — после трех недель тщетной надежды вырваться из ледового плена в августе, — он снова приказал развернуть нижние реи вдоль продольной оси судна, чтобы использовать их в качестве конькового бруса. Потом они опять соорудили шатер из парусины, покрывающий большую часть главной палубы, снова поставив каркас из брусков, убранных в трюм во время трех недель неоправданного оптимизма. Но хотя люди работают ежедневно по несколько часов, прокапывая лопатами дорожки в снегу, футовый слой которого оставлен на палубе с целью теплоизоляции, скалывая лед ломом и зубилом, а потом выгребая ледяную крошку, забившуюся под парусиновую крышу, и наконец посыпая песком дорожки, здесь всегда остается корка льда, и движение Крозье по наклоненной к носу и к правому борту палубе порой больше напоминает изящное скольжение конькобежца, нежели ходьбу.

Вахтенный на левом борту, по графику несущий дежурство сейчас, гардемарин Томми Эванс — Крозье узнает самого молодого члена экипажа по нелепой зеленой шапочке с помпоном (вероятно, связанной матерью мальчика), которую юный Эванс всегда натягивает поверх объемистого «уэльского парика», — отошел на десять шагов в сторону кормы, чтобы предоставить молодому третьему лейтенанту Ирвингу и леди Безмолвной подобие уединения.

При виде этого у капитана Крозье возникает желание дать кому-нибудь — всем — крепкого пинка под зад.

Эскимоска, похожая на толстого медвежонка в своей меховой парке с капюшоном и меховых штанах, стоит спиной вполоборота к высокому лейтенанту. Но молодой третий лейтенант подобрался к ней вдоль фальшборта почти вплотную — он еще не касается женщины, но стоит гораздо ближе, чем офицер и джентльмен позволил бы себе стоять возле дамы на вечеринке в саду или на прогулочной яхте.

— Лейтенант Ирвинг.

Крозье не хотел произносить приветствие таким резким, лающим голосом, но несколько не расстраивается, когда молодой человек подпрыгивает, словно уколотый кинжалом, чуть не теряет равновесие, хватается за обледенелый поручень левой рукой и — как он упорно продолжает делать, хотя теперь знает правила этикета, принятые на корабле во льдах, — отдает честь правой рукой.

Нелепый жест, думает Крозье, и не только потому, что из-за неуклюжих рукавиц, «уэльского парика» и многочисленных теплых поддевок под зимней шинелью молодой Ирвинг малость смахивает на отдающего честь моржа, но также потому, что парень стянул шерстяной шарф со своего чисто выбритого лица — вероятно, с целью показать Безмолвной, как он привлекателен, — и теперь у него под ноздрями болтаются две длинные сосульки, придающие ему еще большее сходство с моржом.

— Отставить! — рявкает Крозье.

«Чертов болван», — добавляет он мысленно, но достаточно громко, чтобы молодой лейтенант мог без труда расслышать произнесенные слова.

Ирвинг стоит неподвижно, бросает взгляд на Безмолвную — во всяком случае, на затылок мехового капюшона — и открывает рот, собираясь заговорить. Очевидно, никакие слова не идут ему на ум. Он закрывает рот. Губы у него такие же белые, как обмороженная кожа.

— Сейчас не ваша вахта, лейтенант, — говорит Крозье, снова слыша в своем голосе металлические нотки.

— Нет, сэр. То есть да, сэр. То есть капитан прав, сэр. То есть...

Ирвинг снова решительно захлопывает рот, но впечатление несколько портит стук зубов. После двух-трех часов на таком морозе зубы порой разрушаются — буквально взрываются, разлетаясь осколками эмали между стиснутыми челюстями. Иногда, по опыту знает Крозье, вы слышите треск эмали за мгновение до разрушения зубов.

— Почему вы все еще здесь, Джон?

Ирвинг пытается моргнуть, но застывшие веки не слушаются, словно намертво примерзшие к глазным яблокам.

— Вы приказали мне заняться нашей гостьей... присмотреть за ней... позаботиться о Безмолвной, капитан.

Крозье вздыхает, выпуская облачко ледяных кристаллов, которые на мгновение повисают в воздухе, а потом падают на палубу россыпью крохотных алмазов.

— Я не имел в виду находиться при ней неотлучно, лейтенант. Я велел вам проверить и доложить мне, чем она занимается, с целью уберечь ее от возможных неприятностей на корабле, а также позаботиться о том, чтобы никто из мужчин не сделал ничего такого... что может ее скомпрометировать. Как по-вашему, здесь, на палубе, она рискует оказаться скомпрометированной, лейтенант?

— Нет, капитан. — Слова Ирвинга звучат скорее как вопрос, чем как ответ.

— Вы знаете, за какое время происходит фатальное отморожение открытых частей тела при такой температуре воздуха, лейтенант?

— Нет, капитан. То есть да, капитан. Думаю, довольно быстро, сэр.

— Вам следует знать, лейтенант Ирвинг. У вас уже шесть раз было обморожение, а ведь календарная зима еще даже не наступила.

Лейтенант Ирвинг скорбно кивает.

— Чтобы палец, нос или любая другая часть тела промерзла насквозь, требуется меньше минуты, — продолжает Крозье, который прекрасно знает, что это просто треп. При каких-то минус пятидесяти для этого требуется гораздо больше времени. Но он надеется, что молодой Ирвинг этого не знает. — Затем отмороженный член откалывается, как сосулька, — добавляет Крозье для пущего эффекта своего весьма эффектного выступления.

— Да, капитан.

— Так вы действительно полагаете, что наша гостя несколько не рискует... оказаться скомпрометированной... находясь здесь, на палубе, мистер Ирвинг?

Молодой Ирвинг, похоже, задумывается, прежде чем ответить. Возможно, осознает Крозье, лейтенант уже слишком много размышлял над данным вопросом.

— Ступайте вниз, Джон, — говорит Крозье. — И обратитесь к доктору Макдональду по поводу своего лица и пальцев. Богом клянусь, если у вас опять серьезное обморожение, я удержу месячное жалованье из вашего общего заработка и в придачу напишу вашей матери.

— Есть, капитан. Благодарю вас, сэр.

Ирвинг собирается снова отдать честь, потом передумывает и ныряет под парусину в сторону главного трапа, по-прежнему держа одну руку наполовину поднятой. Он не оглядывается на Безмолвную.

Крозье снова вздыхает. Молодой Ирвинг нравится ему. Парень поступил к нему добровольцем — вместе с двумя своими товарищами с военного корабля «Экселлент», вторым лейтенантом Ходжсоном и старшим помощником капитана Хорнби, — но трехпалубник «Экселлент» был старым еще во времена, когда Ной не затеял воз-

нию со своей посудиною. Корабль стоял без мачт на постоянном приколе в Портсмуте более пятнадцати лет, служа учебным судном для самых многообещающих артиллерийских офицеров военно-морского флота. «К сожалению, джентльмены, — сказал Крозье мальчишкам в первый день их пребывания на борту (тогда капитан был пьян сильнее обычного), — вы заметите, коли посмотрите вокруг, что ни на „Терроре“, ни на „Эребусе“ — флагманский корабль капитана сэра Джона стоит на якоре вон там, — так вот, вы заметите, что ни на „Терроре“, ни на „Эребусе“, хотя оба были построены как линейные суда, джентльмены, нет ни одной пушки. Мы безоружны, как новорожденный младенец, — если не считать мушкетов и дробовиков. Безоружны, как чертов Адам в своем чертовом костюме Адама. Другими словами, джентльмены, вы, знатоки артиллерийского дела, нужны нам в этой экспедиции как собаке пятая нога».

Сарказм Крозье в тот день не охладил энтузиазма молодых артиллерийских офицеров — Ирвинг и двое других пуще прежнего загорелись желанием отправиться на несколько зим мерзнуть во льдах. Конечно, дело происходило теплым майским днем в Англии в 1845 году.

— А теперь несчастный молокосос влюбился в эскимосскую ведьму, — вслух бормочет Крозье.

Словно поняв его слова, Безмолвная медленно поворачивается к нему.

Обычно ее лицо остается невидимым в тени глубокого капюшона или наполовину прикрытым широким воротником из волчьего меха, но сегодня Крозье видит крохотный нос, огромные глаза и полные губы. В этих черных глазах мерцают отсветы сполохов.

На вкус капитана Френсиса Родона Мойры Крозье она непривлекательна; в ней слишком много дикарского, чтобы она могла показаться вполне человеческим существом, тем более физически привлекательной женщиной — даже ирландцу-пресвитерианину; вдобавок ум Крозье и области подсознания все еще полны живыми воспоминаниями о Софии Крэкрофт. Но капитан понимает, почему молодой Ирвинг, находясь вдали от дома, семьи и возлюбленной, мог влюбиться в эту дикарку. Одна ее странность и, возможно, даже зловещие обстоятельства ее появления на корабле и смерть ее спутника, мистически связанные с первыми нападениями жуткого существа, таящегося там, в темноте, — все это наверняка сыграло роль огня, на который летит порхающим мотыльком такой безнадежный молодой романтик, как лейтенант Джон Ирвинг.

С другой стороны, Крозье (как сам он понял и во время своего пребывания на Ван-Дименовой Земле в 1840 году, и в течение месяцев, проведенных в Англии перед этой экспедицией) для романтики слишком стар. И слишком ирландец. И слишком зауряден.

В данный момент он просто хочет, чтобы эта молодая женщина пошла прогуляться по ледяному полю в темноту и не вернулась обратно.

Крозье вспоминает, как четыре месяца назад доктор Макдональд явился с докладом к нему и Франклину после осмотра эскимоски, проведенного в тот же день, когда ее спутник скончался, захлебнувшись собственной кровью. Макдональд высказал мнение, что девушке от пятнадцати до двадцати лет (установить точный возраст аборигенов очень трудно), что она достигла половой зрелости, но по всем признакам девственница. Он доложил также, что эскимоска не произносила ни слова и не издавала ни звука — даже когда ее отец или муж умирал от пулевого ранения, — поскольку у нее нет языка. По мнению доктора Макдональда, язык у нее был не отрезан, но откушен — либо самой Безмолвной, либо еще кем-то.

Крозье был поражен — не столько фактом отсутствия языка, сколько тем обстоятельством, что эскимоска все еще девственница. Он провел в Арктике достаточно много времени — особенно в ходе экспедиции Парри, когда они зимовали близ эскимосской деревни, — чтобы знать: здешние аборигены относятся к половым отношениям так легко, что мужчины спокойно предлагают своих жен и дочерей китобоям или путешественникам в обмен на самые дешевые безделушки. Порой, он знал, женщины сами предлагали себя просто забавы ради, хихикая и болтая со своими товарками или детьми, пока моряки трудились, пыхтели и стонали между ногами смеющейся эскимоски. Они были как животные. Меха и шкуры, которые они носили, вполне могли бы быть их собственными звериными шкурами, насколько понимал Френсис Крозье.

Капитан подносит руку в перчатке к козырьку фуражки, которая примотана к голове толстым шерстяным шарфом и потому не может ни свалиться, ни сползти набекрень, и говорит:

— Мое почтение, мадам. Я посоветовал бы вам подумать о том, чтобы спуститься в вашу каюту в самом скором времени. Здесь становится холодновато.

Безмолвная пристально смотрит на него. Она не моргает, хотя длинные ресницы у нее почему-то не заиндевели. Разумеется, она ничего не говорит. Она наблюдает за ним.

Крозье снова символически притрагивается к козырьку и продолжает обход палубы: поднимается на задрвшуюся под давлением льда корму, потом спускается обратно по правому борту, оставившись поговорить с двумя другими вахтенными, давая Ирвингу время сойти вниз и снять верхнюю одежду, чтобы не возникало впечатления, будто капитан неотступно преследует своего лейтенанта.

Он заканчивает разговор с последним дрожащим от холода вахтенным, матросом Шанксом, когда рядовой Уилкс, самый молодой из морских пехотинцев на корабле, выскакивает из-под парусины. Уилкс накинул поверх формы лишь две широкие поддевки, и зубы у него начинают выбивать дробь еще прежде, чем он передает сообщение.

— Мистер Томпсон свидетельствует капитану свое почтение, сэр, и инженер просит капитана спуститься в трюм как можно скорее.

— В чем дело?

Крозье знает: если паровой котел в конце концов вышел из строя, им всем крышка.

— Прошу у капитана прощения, сэр, но мистер Томпсон говорит, что капитан нужен, поскольку матрос Мэнсон почти взбунтовался, сэр.

Крозье выпрямляется:

— Взбунтовался?

— Почти, так выразился мистер Томпсон, сэр.

— Изяснитесь внятно, рядовой Уилкс.

— Мэнсон не желает больше носить мешки с углем мимо мертвецкой, сэр. И не желает больше спускаться в трюм. Он говорит, что отказывается самым почтительным образом. Он не желает подниматься наверх, но сидит на заднице у подножья трапа и отказывается носить уголь в котельную.

— Что за глупости такие? — Крозье приходит в страшное раздражение.

— Дело в привидениях, капитан, — говорит рядовой морской пехоты Уилкс, стуча зубами. — Мы все слышим их, когда таскаем уголь или спускаемся за чем-нибудь в трюм. Вот почему люди больше не спускаются ниже средней палубы, если только не получают приказ от офицеров, сэр. Там, в трюме, в темноте что-то скрывается. Что-то скребется и стучит внутри корабля, капитан. Это не лед. Мэнсон уверен, что это его старый товарищ Уокер, — он... оно...

и остальные трупы, сложенные в мертвецкой, пытаются выбраться наружу.

Крозье подавляет побуждение успокоить рядового морской пехоты фактами. Возможно, молодой Уилкс не сочтет факты особо успокоительными.

Первый простой факт заключается в том, что скребущие и царапающие звуки, доносящиеся из мертвецкой, почти наверняка производят сотни или тысячи огромных черных крыс, лакомящихся окоченелыми трупами товарищей Уилкса. Крысы — как Крозье знает лучше молодого морского пехотинца — являются ночными животными, а следовательно, они бодрствуют круглые сутки в течение долгой арктической зимы, и зубы у этих существ постоянно растут. Это, в свою очередь, означает, что чертовы твари должны постоянно грызть, грызть и грызть, — и капитан видел, как они прогрызают дубовые бочки, металлические баки со стенками толщиной в дюйм и даже свинцовую обшивку. У крыс там, внизу, не больше трудностей с окоченелыми останками матроса Уокера и пяти его злополучных товарищей по команде (включая трех из лучших офицеров Крозье), чем у человека, жующего кусок холодного вяленого мяса.

Но Крозье не думает, что Мэнсон и остальные слышат просто крыс.

Крысы, как Крозье знает по печальному опыту тринадцати проведенных во льдах зим, обычно поедают трупы чьих-либо товарищей быстро и тихо, если не считать визга, сопровождающего частые драки обезумевших ненасытных тварей.

Звуки, раздающиеся в трюмной палубе, производят не крысы.

Крозье решает не объяснять Уилксу и второй простой факт, заключающийся в том, что, хотя в трюмной палубе обычно безопасно, но холодно, поскольку она находится ниже ватерлинии или поверхности замерзшего моря, сейчас под давлением льда корма «Террора» поднялась на дюжину с лишним футов выше нормы. Корпус корабля там по-прежнему надежно огорожен со всех сторон, но только несколькими сотнями тонн вздыбленного льда и дополнительными тоннами снега, наваленного людьми вдоль бортов по самые фальшборты с целью обеспечения лучшей теплоизоляции зимой.

Какое-то существо, подозревает Френсис Крозье, прорыло ход сквозь эти тонны снега, пробило тоннель сквозь твердые, как железо, ледяные глыбы, чтобы добраться до корпуса корабля. Неким непостижимым образом оно почуяло, какие отсеки, расположенные

Оглавление

1. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы Октябрь 1847 г.	9
2. ФРАНКЛИН. Лондон. 51° 29' северной широты, 0° 00' западной долготы. Май 1845 г.	22
3. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы Октябрь 1847 г.	37
4. ГУДСИР. 75° 12' северной широты, 61° 06' западной долготы Баффинов залив, июль 1845 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	54
5. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 9 ноября 1847 г.	61
6. ГУДСИР. 74° 43' 28" северной широты, 90° 39' 15" западной долготы Остров Бичи, зима 1845/46 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	69
7. ФРАНКЛИН. 70° 03' 29" северной широты, 98° 20' западной долготы Примерно 28 миль к северо-северо-западу от Кинг-Уильяма, 3 сентября 1846 г.	78
8. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 11 ноября 1847 г.	94
9. ФРАНКЛИН. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы Май 1847 г.	105
10. ГУДСИР. 69° 37' северной широты, 98° 41' западной долготы Кинг-Уильям, 24 мая — 3 июня 1847 г.	117
11. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 9 ноября 1847 г.	126
12. ГУДСИР. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы Кинг-Уильям, 24 мая — 3 июня 1847 г.	137
13. ФРАНКЛИН. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 3 июня 1847 г.	149

ОГЛАВЛЕНИЕ

14. ГУДСИР. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы Июнь 1847 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	161
15. ФРАНКЛИН. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 11 июня 1847 г.	174
16. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 10 ноября 1847 г.	193
17. ИРВИНГ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 13 ноября 1847 г.	223
18. ГУДСИР. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 20 ноября 1847 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	238
19. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 5 декабря 1847 г.	246
20. БЛЭНКИ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 5 декабря 1847 г.	258
21. БЛЭНКИ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 5 декабря 1847 г.	265
22. ИРВИНГ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 13 декабря 1847 г.	288
23. ХИККИ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 18 декабря 1847 г.	303
24. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 31 декабря 1847 г.	311
25. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 31 декабря 1847 г. — 1 января 1848 г.	327
26. ГУДСИР. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 4 января 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	341
27. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 11 января 1848 г.	350
28. ПЕГЛАР. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 29 января 1848 г.	367
29. ИРВИНГ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 6 февраля 1848 г.	384
30. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 15 февраля 1848 г.	396
31. ГУДСИР. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 6 марта 1848 г.	413

ОГЛАВЛЕНИЕ

32. КРОЗЬЕ. 70° 05' северной широты, 98° 23' западной долготы 22 апреля 1848 г.	428
33. ГУДСИР. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 22 апреля 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	441
34. КРОЗЬЕ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 22 апреля 1848 г.	454
35. ИРВИНГ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 40' 58" западной долготы 24 апреля 1848 г.	466
36. КРОЗЬЕ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 24 апреля 1848 г.	471
37. ИРВИНГ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 40' 58" западной долготы 24 апреля 1848 г.	479
38. КРОЗЬЕ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 25 апреля 1848 г.	493
39. ГУДСИР. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 25 апреля 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	502
40. ПЕГЛАР. 69° 37' 42" северной широты, 98° 40' 58" западной долготы 25 апреля 1848 г.	506
41. КРОЗЬЕ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 25 апреля 1848 г.	513
42. ПЕГЛАР. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 25 апреля 1848 г.	521
43. КРОЗЬЕ. 69° 37' 42" северной широты, 98° 41' западной долготы 25 апреля 1848 г.	527
44. ГУДСИР. 69° ?' ?" северной широты, 98° ?' ?" западной долготы Бухта Покоя, 6 июня 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	535
45. БЛЭНКИ. Неизвестная широта, неизвестная долгота 18 июня 1848 г.	543
46. КРОЗЬЕ. Неизвестная широта, неизвестная долгота 4 июля 1848 г.	556
47. ПЕГЛАР. Где-то в проливе между островом Кинг-Уильям и полуостровом Аделаида. 9 июля 1848 г.	565
48. ГУДСИР. Кинг-Уильям, неизвестная широта, неизвестная долгота 18 июля 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	577

ОГЛАВЛЕНИЕ

49. КРОЗЬЕ. <i>Кинг-Уильям, неизвестная широта, неизвестная долгота</i> 26 июля 1848 г.	593
50. БРИДЖЕНС. <i>Речной лагерь. 29 июля 1848 г.</i>	604
51. КРОЗЬЕ. <i>Лагерь Спасения. 13 августа 1848 г.</i>	612
52. ГУДСИР. <i>Лагерь Спасения. 15 августа 1848 г.</i>	627
53. ГОЛДИНГ. <i>Лагерь Спасения. 17 августа 1848 г.</i>	636
54. ДЕВО. <i>Лагерь Спасения. 19 августа 1848 г.</i>	649
55. ГУДСИР. <i>20 августа 1848 г.</i> Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	656
56. ДЖОПСОН. <i>Лагерь Спасения. 20 августа 1848 г.</i>	659
57. ХИККИ. <i>Юго-западный мыс острова Кинг-Уильям</i> 8 сентября 1848 г.	665
58. ГУДСИР. <i>Юго-западный мыс острова Кинг-Уильям</i> 5 октября 1848 г. Из личного дневника доктора Гарри Д. С. Гудсира	671
59. ХИККИ. <i>Юго-восточный мыс острова Кинг-Уильям</i> 18 октября 1848 г.	678
60. КРОЗЬЕ	685
61. КРОЗЬЕ	688
62. КРОЗЬЕ	701
63. КРОЗЬЕ	712
64. КРОЗЬЕ	724
65. КРОЗЬЕ	727
66.	739
67. ТАЛИРИКТУГ. <i>68° 30' северной широты, 99° западной долготы</i> 28 мая 1851 г.	743

Симмонс Д.

С 37 Террор : роман / Дэн Симмонс ; пер. с англ. М. Куренной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 768 с. — (The Big Book).

ISBN 978-5-389-14383-8

В 1845 году экспедиция под командованием опытного полярного исследователя сэра Джона Франклина отправляется на судах «Террор» и «Эребус» к северному побережью Канады на поиск Северо-Западного прохода из Атлантического океана в Тихий — и бесследно исчезает. Поиски ее затянулись на несколько десятилетий, сведения о ее судьбе собирались буквально по крупицам, и до сих пор картина происшедшего пестрит белыми пятнами, хотя осенью 2014 года грянула сенсация: после более чем полутора веков поисков «Эребус» был наконец обнаружен, и ученые уже приступили к изучению останков корабля, идеально сохранившихся в полярных водах; ну а два года спустя, осенью 2016-го, при помощи дистанционно управляемой мини-субмарины был найден и «Террор». Но еще за несколько лет до этого поразительного открытия Дэн Симмонс, знаменитый автор «Гипериона» и «Эндимиона», «Илиона» и «Олимпа», «Песни Кали» и «Темной игры смерти», предложил свою версию событий: главную угрозу для экспедиции представляли не сокрушительные объятия льда, не стужа с выюгой и не испорченные консервы — а неведомое исполинское чудовище, будто сотканное из снега и полярного мрака.

Весной 2018 года на телеэкраны выходит 10-серийная экранизация «Террора», снятая компанией Ридли Скотта *Scott Free Productions*. Постановщиком выступил Эдвард Бергер, в работе над сценарием участвовал сам Симмонс, главные роли исполнили Джаред Харрис, Киаран Хайндс, Тобайас Мензис, Пол Реди. На 2019 год уже заявлен и второй сезон.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сoc)-44

ДЭН СИММОНС
ТЕРРОР

Ответственный редактор Александр Гузман
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректор Ирина Киселева
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 06.06.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-ABB-22620-02-R